

Ванечка

(из серии рассказов про Сару и Казимира)

Сара и Феликс сидели в ресторане за красивым светлым столом и вели разговоры на отвлечённые темы, ровно до тех пор, пока не прозвучало роковое „Одесса”. Оба замолчали. Феликс отвернулся к окну и сощурился, уголки сухих губ едва заметно подрагивали. Сара пристально рассматривала седовласого мужчину, сидящего напротив неё.

Постарел, да. Его лицо с миллионом морщинок на тонкой коже заметно осунулось за последний месяц-полтора что они не виделись. Кожа приобрела нездоровый желтушный оттенок, который не смог перебить даже европейский загар мужчины. И только глаза Феликса оставались такими же живыми и искристыми как в юности, не растеряв за долгую жизнь своего небесно-василькового цвета.

Сара потянулась к небольшому пузатому графину, который вместе с закусками поставил на стол официант.

– Позволь мне.

Феликс аккуратно разлил по стопочкам холодную водку

– Я искал тебя много лет.

Женщина залпом выпила чуть запотевшую стопку.

– Много лет – это сколько?

– Всё время с тех пор, как мы случайно встретились с тобой в Москве.

...Ванечка рос беспокойным и слабеньким. Ребёнок плохо спал, медленно набирал вес и много плакал. С рождения у него были очень слабые лёгкие, даже диагноз имелся, в связи с чем Ванечка часто простужался, от чего подолгу болел и время от времени лечился в больнице.

Для Сары это был очень тяжёлый год, проведённый между работой, пелёнками, врачами и тоскливым ожиданием Феликса. И в то же время, год рождения сына был одним из самых счастливых в её жизни, не смотря на то, что весь мир Сары сузился до размера детской кроватки.

В четыре месяца Ванечку отдали в ясли и у Сары начались трудовые будни в начальной школе. Каждое утро, когда она передавала плачущего ребёнка нянечке, её сердце обливалось кровью – молодая мать беспокоилась, что в её отсутствие малыша могут не уберечь от беды или обидеть.

Благодаря всеобъемлющей помощи мамы, личной работоспособности и бесконечной любви к сыну, Сара вполне благополучно дождалась до следующей весны и отметила первый день рождения Ванечки. Малыш развивался соответственно возрасту, при этом проблем с его здоровьем меньше не становилось. Слабые лёгкие с пороками развития давали о себе знать, ежедневно увеличивая нагрузку на детское сердечко.

На семейном совете было решено отвезти Ванечку в деревню. После двух летних месяцев, проведённых на парном молоке и на свежем воздухе, благодаря ежедневному купа-

нию в тёплой мелководной речке и субботним походам в русскую баню, мальчик заметно окреп. К середине июня он сделал свои первые шаги, научился держать ложку в маленькой ладошке и наел небольшие щёчки.

На подворье у Ванечки было много дел – он с удовольствием играл с домашней кошкой Муркой, после вечерней дойки пил тёплое коровье молоко и залиvisto смеялся, гоняя по двору кудахтающих кур.

Сара до безумия любила своего единственного сына. Она постоянно тискала малыша, целовала его в белокурую макушку, обнимала и шептала на ушко слова любви. Наиболее сладкими были утренние часы, когда Ванечка просыпался заспанный и тёплый. Малыш тянулся к ней своими маленькими ручками, счастливо улыбался и демонстрировал два новеньких передних зуба. Любуясь сыном, Сара видела в нём черты его отца, от которого уже больше года не было вестей.

Иногда девушка не выдерживала и ночами тихонько плакала в подушку от душевной боли и обиды. Она искреннее не понимала, как замечательный, честный и по-настоящему влюблённый в неё Феликс, мог поступить с ней на столько некрасиво. Если бы он, испугавшись ответственности, не захотел на ней жениться или его родители надавили так, что не вздохнуть. Она бы его поняла. Может не сразу, но постаралась бы. И приняла бы его решение. Но Ванечка? Чем её сыночек заслужил жить, не зная отцовской любви и ласки?

В последних числах августа Сара, мама и Ванечка вернулись в городскую квартиру. Погода в Ленинграде окончательно испортилась. Температура воздуха и в августе-то не поднималась выше пятнадцати градусов, а в сентябре и вовсе – упала до девяти. С Невы дул пронизывающий ледяной ветер, наполненный влагой, сыростью и тоской.

Ванечка снова начал болеть. Не зная, как помочь своему малышу избавиться от изнурительных приступов кашля, Сара до утра носила чутко спящего ребёнка на руках, прижимая к себе уставшее тельце. Как только девушка пробовала уложить малыша в кровать, чтобы хоть немного поспать самой, Ванечка сразу же просыпался и, не открывая глаз, просил: „Мам, поноси”.

В ту зиму он дважды попадёт в больницу с воспалением лёгких. В первый раз – сразу после Нового года, во второй – ближе к весне.

Внешностью Ванечка рос точной копией папы, но вот упрямством – определённо пошёл в мать. Если он чего-то хотел, то всегда добивался своего – любимую игрушку, сладкую булочку, книжку или деревянный самолётик в магазине.

В конце мая ученики Сары пошли на каникулы, а девушке ещё предстояло работать почти месяц, занимаясь школьной рутинной и мелким ремонтом в закреплённом за ней классе.

Тёплым ясным днём, когда солнце было в зените и в открытое окно учительской дул ласковый ветерок, позвонили из яслей – Ванечка начал задыхаться и малыша в срочном порядке увезли на „скорой” в больницу.

Сара не помнила, как добралась до нужного больничного корпуса и как металась в приёмном покое, ожидая доктора. Лечащий врач рассказал ей о сути предстоящего лечения Ванечки и вскользь упомянул о необходимости вывозить малыша на море хотя бы раз в год. А лучше, вообще сменить климат, потому что в сыром Ленинграде здоровье малыша вряд ли когда-нибудь поправится.

После выписки из больницы на домашнем совете было принято решение поехать в Одессу – в город детства и юности мамы Сары. Женщины решатся на немислимый поступок и обменяют их квартиру в одном из лучших районов Ленинграда на жильё в далёкой Одессе. Трудности не пугали, главное было – спасти Ванечку и дать ему возможность жить у моря.

Переезд получился грандиозным и немного граничил с сумасшествием. Зато, теперь у них была просторная квартира в трёхэтажном старинном особняке, на тихой улочке недалеко от Краснофлотского переуллка.

Сара устроилась работать в начальную школу, а мама пошла трудиться нянечкой в ясли, чтобы весь день находиться рядом с Ванечкой. Постепенно жизнь пришла в норму и жизнь в Ленинграде начала забываться...

В Одессе ребёнок почувствовал себя значительно лучше и Сара немного расслабилась. Конечно, проблемы со здоровьем никуда не делись, но рецидивы стали случаться значительно реже, чем в Ленинграде. Иногда Саре казалось, что лёгкие ребенка почти восстановили свои функции, но потом происходил очередной сбой.

Ванечка рос и менялся на глазах, проявляя всё большую самостоятельность. С первой же секунды он влюбился в море и с удовольствием учился плавать, плескаясь в морской воде до посинения. А ещё, он обожал гулять в Ботаническом саду на Фрунзенском бульваре и застенчиво улыбался, когда просил купить ему пончики в сахарной пудре, которые стали его главной гастрономической страстью.

Незнакомую для себя Одессу Сара тоже полюбила всей душой – открытый, шумный и весёлый город притягивал, увлекал и завораживал. Портовая гавань была не без особенностей, но всё же. Местный говор сильно разбавил правильную речь Сары, но она этого почти не замечала, ведь так говорили все вокруг неё. Обилие рыбы, овощей и фруктов стало привычным, так же как и многословные витиеватые приветствия со всяким, кто был хоть немного знаком с девушкой.

К удивлению Сары неожиданно расцвела мама, возобновив старые связи с подругами своей юности. Она с головой погрузилась в активную жизнь вне дома. Долгие посиделки за дегустацией домашней наливки, перемежались приготовлением кулинарных шедевров на тесных кухнях. Особенно увлекательными случались походы на Привоз – не столько за ради покупок, сколько за ради процесса.

Три года одесской жизни пронеслись стремительно. Сара взяла очередное красное руководство у первоклашек, Ванечка вырос в смышлёного и весёлого мальчугана с выцветшими на солнце волосами и яркими васильковыми глазами. Летом тело ребёнка становилось смуглым от загара, а на лице появлялись веснушки. Ванечка обожал мастерить кораблики и вместе с Сарой отпускать их в море или в фонтаны. А ещё он любил прогулки в порту, чтобы бесконечно разглядывать большие и маленькие корабли, старые баркасы, бело-снежные катера и проржавленные шлюпки. Ванечка восхищался работой гигантских портовых кранов и размерами грузов, которые они перемещали. Поднимаясь по ступенькам Дерibasовской лестницы, мальчик оглядывался на порт и радостно восклицал:

– Мамочка, шо я хочу тебе сказать! Когда я вырасту, то буду моряком, как те дяди!

Сара гладила сына по голове:

– Правда? Таки, вчера ты хотел за себя быть пожарником, шо б тушить все пожары в мире!

Ванечка хитро улыбался:

- Шо б ты знала, я стану пиратом и уплыву искать сокровища в Африку!
- А ты помнишь за то, шо там живёт Бармалей?
- Помню! Но когда я приплыву, он уже умрёт от старости!
- А если он умирать не собирается?
- Собирается, собирается! Я точно знаю, шо он старый! Мне бабушка говорила, шо знает его с детства!

Сара смотрела на Ванечку и не верила своему счастью – у неё рос немисливо замечательный сын, они с мамой жили в красивом и дружелюбном городе, Саре нравились её работа и новые друзья, которыми она постепенно обростала. Всё было хорошо.

В середине июня, когда в городе стало жарко и душно Сара с мамой начали строить планы, как им лучше провести лето. У Сары было острое желание отвезти Ванечку в город, в котором он родился, чтобы не спеша гулять с ним по булыжным мостовым и смотреть, как разводят мосты. Сара тосковала по Ленинграду. Мама же предлагала съездить в Киев, чтобы сводить внука в Лавру и погулять по Майдану. Не придя к общему мнению, они решили отложить обсуждение, пока Сара не освободится на работе и не уйдёт в отпуск, до которого оставались считанные дни.

В последнее воскресенье июня Сара проснулась от странной щемящей боли в груди. Страшная мысль метнулась на задворках ума. Феликс... Жив ли? Испугавших собственных размышлений, Сара порывисто встала с кровати и подошла к окну. Распахнула деревянные рамы и подставила лицо солнечным лучам.

Прикрыла глаза. Почему Феликс её оставил? Без объяснений. Не попрощавшись. Неужели разлюбил? Который год Сара не могла в это поверить, сколько бы себя не уговаривала...

Летнее солнце светило щедро. Золотой свет заливал комнату, пуская солнечных зайчиков на стене, около которой стояла детская кроватка Ванечки.

Сара встряхнула головой. Вдохнула полной грудью. Прочь, дурные мысли! Она давно не жила так благостно и спокойно, как в последние годы в Одессе. Сара подумала, что надо бы поставить кипятиться чайник, чтобы заварить себе душистого чая и выпить его с инжирным вареньем и тогда ощущение счастья утерянное после сна, обязательно вернётся.

Чтобы не разбудить сына, девушка на цыпочках пошла в сторону двери. Детская кроватка Ванечки была мягко освещена солнечным светом. Улыбка коснулась губ Сары. Кроватка сына сияла так, будто сам Бог держал его в своих объятиях. Она тихо закрыла за собой двери спальни и направилась на кухню. Через четверть часа к Саре присоединилась мама и они вполголоса болтали о всяких мелочах, ожидая когда проснётся Ванечка.

Несмотря на вкусное чаепитие, необъяснимое внутренне беспокойство не покидало Сару. Сын не спешил просыпаться, и она решила, что маленький проказник давно выспался и сейчас тихо играет в своей кроватке. Сара вышла из-за стола и на цыпочках направилась к нему в комнату.

В спальне было тихо. Утреннее солнце заливало комнату снопами золотистого света, придавая пространству лёгкость и воздушность. Сара подошла к кроватке сына и поправила простынку, укрывавшую спящего ребёнка. Сердце девушки сжалось в тугую комок и ухнуло в пропасть. Дрожащей рукой она коснулась светловолосой головки сына. Под рукой был

холод. Застыв от ужаса, Сара снова и снова гладила Ванечку по выгоревшей макушке. Девушке казалось, что от её прикосновений волосы малыша становились как будто теплее, рождая секундную надежду, что всё хорошо. А сынок всё не просыпался и не просыпался...

Сара закричала. Страшно, утробно, на одной ноте. Это был не крик, а протяжный вой смертельно раненого животного. Деревянные двери спальни, ударившись о стену, со стуком открылись, и в комнату вбежала встревоженная мама. Это было последнее, что Сара помнила из того страшного дня...

Сердечная недостаточность. Так сказали врачи. Ванечка умер во сне. Своего маленького сына Сара не хоронила. Была не в состоянии – провалившись как в яму, в спасительную горячку, лишённую цвета, звука и смысла. Сара не хотела знать, что её Ванечки больше нет. Она не желала возвращаться в жизнь, в которой никогда не увидит сына, не поговорит с ним про Бормалея и не опустит кораблики в море...

В одиночку похоронив внука, мама Сары ежедневно дежурила у кровати дочери, разговаривая с ней в тишине больничной палаты. Она часами держала её за руку и гладила тонкие прозрачные пальцы. Пожилая женщина тихо плакала, наблюдая, как угасает её единственный ребёнок и падала в ноги к врачам, умоляя спасти её девочку. Медики разводили руками. У Сары не было проблем со здоровьем, однако они ничего не могли поделать с тем, что девушка больше не выбирала жить.

Через пятнадцать дней, пришедшую в себя Сару выписали из больницы. Опустошённая, она по инерции ходила на работу, чтобы потом вернуться домой и снова выпасть из окружающей её реальности. Свернувшись в клубок, Сара лежала на кровати Ванечки, не реагируя ни на какие внешние раздражители. Иногда маме удавалось накормить девушку, но чаще пожилая женщина терпела фиаско.

Одесса благоухала в цвету. Над городом искрилось жаркое сияющее лето, и волны Чёрного моря ласково плескались о берег. Но мать и дочь ничего этого не замечали, живя в мире, законсервированном в горе.

Наверное, Сара могла бы умереть в то время, но мама её опередила. Как-то ночью ей стало плохо с сердцем, и врач приехавшей на вызов скорой заподозрила инфаркт. Женщину увезли в больницу. Рано утром, собрав себя в кулак, Сара приехала навестить маму в кардиологическое отделение, но оказалось, что навещать ей было некого.

Необходимость схоронить маму по-человечески, вынудила Сару вынырнуть из своего беспросветного и мутного забытья. Девушка купила гроб, оббитый красной тканью и отделанный по краю чёрной прозрачной лентой, а так же два венка – от себя и от Ванечки.

Узнав о трагедии, мамыны подружки взяли на себя основные хлопоты. Они договорились о захоронении на городском кладбище и заказали обед в столовой.

А в день похорон нежданно прилетела Хана, которая уже несколько лет жила на Урале. Оказывается, мама звонила ей, чтобы рассказать про смерть Ванечки и про ужасное состояние Сары. Она слёзно умоляла Хану приехать и постараться убедить дочку жить дальше. Хана пообещала сделать всё возможное и, как только смогла выхлопотать себе несколько дней за свой счёт, сразу же купила билет на ближайший рейс в Одессу. Подруги провели вместе три дня и приняли спонтанное, но кажущееся им единственно верное решение - Сара продает квартиру в Одессе и переезжает жить на Урал. К Хане.

...Сара Залмановна протянула руку к пустой стопке и подвинула её поближе к пузатенькому графину. Воспоминания, лавиной обрушившиеся на пожилую женщину, лишили её последних сил разговаривать.

Феликс печально смотрел на Сару своими необыкновенно синими глазами, и ей вдруг подумалось, что у Ванечки сейчас были бы такие же, если бы он вырос во взрослого мужчину. Феликс приподнял графин:

– По второй?

Сара молча кивнула. Выпили не чокаясь. Мужчина осторожно поставил стопку на стол:

– Я всегда помню о нашем Ванечке. Каждый день...

Сара вскинула на него гневный взгляд. Феликс поднял руку, призывая её к молчанию:

– Позволь мне объясниться.

...После расставания с Сарой в Ленинграде Феликс ехал на поезде в Москву окрылённый. У него будет жена. Его Сара! И у них будет ребёнок! Как же ему повезло в жизни! Замечательные родители, лучшая на свете девушка, мужская профессия военного, а теперь ещё и малыш. У него родится дочка. Или сын.

Когда вечером за ужином Феликс объявил родителям, что женится, то своей новостью поверг своих близких в шок. А когда добавил, что его женой станет Сара, мама с папой и вовсе впали в пучину ужаса. Сообщение о скором рождении ребенка было последним аргументом, предсказывающим им неминуемую катастрофу и необходимость срочно спастись сына из беды, в которую он попал по глупости и отсутствию опыта.

Не было бы счастья, да несчастье им помогло. В декабре Феликс заболел. Сначала это был грипп, который быстро перерос в тяжёлую форму пневмонии. Молодой человек провалялся в больнице почти месяц, встретив там Новый год. Каждый день он писал письма Саре, которые передавал родителям, чтобы они отнесли их на почту. Однако от девушки не было никаких известий. Феликс нервничал, полагая что с ребёнком или Сарой что-то произошло. В её квартире никогда не было телефона и единственной связью между девушкой и юношей оставались письма.

Как только Феликса выписали из госпиталя, он сразу же собрался ехать в Ленинград, но в академии начались военные учения, которые он никак не мог пропустить и прямо в день выписки Феликс на две недели уехал из Москвы. На учениях парень повторно простыл и снова попал на больничную койку. Двусторонняя пневмония и тяжёлое течение болезни. Больше трёх недель Феликс провёл в госпитале, половину из которых на капельницах.

Феликс будет писать Саре длинные письма, передавая их родителям, чтобы они отнесли их на почту, но не получит в ответ из Ленинграда ни единой строчки.

Если бы только Феликс мог знать, на сколько влиятелен его отец-дипломат. Если бы только он мог тогда догадаться о заговоре, который плёлся за его спиной родителями – любой ценой не дать сыну испортить себе жизнь, женившись на беременной вертихвостке. Все письма, которые Феликс отдавал родителям, безжалостно выбрасывались на ближайшую помойку. А письма, которые девушка писала Феликсу, прямо с почты за определённую плату доставлялись почтальоном лично отцу в руки. И тоже уничтожались. Мать, сжигала их в печке на даче после обязательного прочтения, получая от процесса почти

физическое удовольствие. В это трудно поверить, но даже учения в Академии случились благодаря договорённости отца с высокими военными чинами.

В марте письма от Сары перестали приходить, и родители немного успокоились, но их главное задачей было не дать парню сбежать в Ленинград. Нужно было продержаться только апрель. А потом присяга и... новое место службы, которое уже было приготовлено для Феликса далеко за пределами Ленинграда. И тогда папа придумал гениальный план. Феликса банально подставили, втянув в драку на улице. Как по заказу откуда-то возник военный патруль, и парень попал на гауптвахту. Получил срок в две недели.

И надо же такому случиться, что именно там Феликс попал в реальную, ни кем не построенную переделку и был сильно избит. Очнулся юноша в больнице с тяжёлым сотрясением мозга, переломом правой руки, зашитым ухом, разорванной селезёнкой и отбитыми почками.

И снова – долгое лечение в военном госпитале. А потом была присяга. Оттуда, как был в парадном мундире, он сбежал на вокзал и сел в поезд на ночной рейс „Красной стрелы”.

Прибежав к дому Сары, Феликс в рекордное время одолел все ступеньки и позвонил в знакомую дверь. Но ему никто не открыл. Тогда он постучался кулаком и, не услышав шагов внутри квартиры, раздражённо пнул по нижней планке деревянной двери. На стук открылись двери соседней квартиры и пожилая женщина рывкнула:

- Ты чего здесь погром устроил? Сейчас вызову милицию!
- Здравствуйте, вы не знаете случайно, где Сара?

Женщина подбоченилась:

- А ты кто такой, что спрашиваешь?
- Жених.
- Жениих?..

Женщина специально растянула слово, проговорив его с максимальным презрением.

- Это который поматросил и бросил девчонку с мальцом?

Феликс часто заморгал глазами:

- Мальцом? Разве у нас не девочка?

Незнакомая женщина скривила губы:

- Не знаю, кто у вас, а у Сары – Ванечка родился!
- Когда?
- Да, в апреле ещё! Она тогда чуть не померла, в родах-то. Всё тебя ждала.

Феликс бессильно опустился на ступеньку. У него родился сын. Сын! Почему же Сара не написала ему об этом? Почему перестала общаться? Феликс ничего не понимал. Он резко поднялся с холодного бетона:

- А где они сейчас – Сара и Ванечка?
- Так в деревне! Увезли мальчика на свежий воздух и на парное молоко. Слабенький он у них. Часто болеет.
- Извините. Не могли бы вы мне дать ручку и листок бумаги, я хочу написать Саре письмо. Вы сможете его передать ей, когда они вернутся
- Смогу. Чего ж, и не смочь.

Феликс быстро написал Саре сообщение о том, что он убывает служить в ГДР на год. Но потом вернётся за ней и за сыном. И что им срочно. Слышишь, Сара? Срочно!!! Нужно поговорить.

Феликс не догадывался, что приказ о его службе в ГДР был им получен не случайно. Отца Феликса переводили работать в эту страну по дипломатической линии, и влиятельный мужчина подсуетился, чтобы его сына отослали служить в блатные войска на территории Германии.

...Сара Залмановна крутила в руках пустую стопку.

- Знаешь, а ведь Хана рассказала мне про то твоё письмо. Оказывается, когда мы приехали из деревни, моя мама первой поднялась домой с вещами, а мы...

Сара запнулась. Она очень давно не произносила имя сына вслух.

- А мы с Ванечкой остались погулять во дворе. На лестничной площадке мама встрети-лась с соседкой и та отдала ей вдвое сложенный листок. Мама решила его мне не отда-вать мне, считая, что я и так достаточно настрадаюсь, чтобы узнавать неприятные под-робности, по которым ты нас сыном бросил.

Феликс стукнул рукой по столу и неожиданно закричал:

- Но я не бросал вас!!! Я даже не знал, что Ванечка родился! Я ничего не знал про кра-жу наших с тобой писем моими родителями! Я с ума сходил из-за того, что ты перестала отвечать мне на мои письма. Я чуть не сдох тогда от тоски, Сара. Я никогда никого в сво-ей жизни не любил больше тебя!

- Ты так и не встретился с нашим Ванечкой.. За пять лет не нашёл времени.

- Я не времени не нашёл, Сара. Я не смог отыскать вас. В вашем старом доме никто ничего про вас не знал. Никто ничего не мог мне сказать, представляешь?! Никто. Ни сло-ва! Я представить себе не мог, что вы уехали в Одессу.

Сара вздохнула.

- Это всё мама. Она запретила всем соседям открывать тебе наше местопребывание. Я об этом тоже не знала. Это мне рассказала Хана. Уже потом, после всего...

Сара тяжело вздохнула. Феликс чертыхнулся:

- Но почему твоя мама так поступила?! Она же всегда хорошо ко мне относилась.

- Мама думала, что так будет лучше для меня. После того, как ты меня бросил.
- Но я не бросал ни тебя, ни Ванечку, Сара.
- Мама этого не знала... И я не знала. Ты пропал на полгода. Ни слова. Ни строчки. Ничего. Я не защищаю её, Феликс. Я долго не могла простить маме этот её поступок, даже после смерти.

Сара всхлипнула:

- Если бы наша соседка тётя Валя тогда отдала твоё письмо мне. Мне, а не маме.

Она судорожно схватила графин, плеснула себе полную стопку водки и выпила её залпом. Феликс в точности повторил её манёвр.

- А потом я встретил тебя в Москве...

...После отъезда Ханы обратно к себе домой, Сара словно вынырнула из забвения и завела бурную деятельность. В кратчайшие сроки была продана квартира в Краснофлотском переулке и куплены билеты на самолёт до Москвы. Оттуда, другим рейсом Сара планировала добраться до Урала.

Прилетев в столицу, Сара выяснила, что рейсов в нужный ей город нет. Тогда она решила попробовать добраться к Хане поездом.

С аэропорта девушка доехала до метро и, спустившись в подземку, отправилась на нужную ей платформу. Электропоезда не было и Сара в нетерпении прогуливалась от одной мраморной колонны к другой, наблюдая как потоки людей то сгущаются, то растекаются в хаотичном броуновском движении.

И вдруг прямо перед ней вырос Феликс. Красивый, подтянутый, в новенькой военной форме с лейтенантскими погонами. Феликс побледнел:

- Сара...

Девушка скорее выдохнула, чем проговорила:

- Ты?..

Молодой человек схватил её за руки:

- Что случилось, Сара? Почему ты меня бросила? Почему не сказала про Ванечку? Сара, я очень хочу его увидеть!

Услышав имя сына, девушка замерла и перестала дышать.

- Ты его никогда не увидишь, Феликс..

- Но это и мой сын тоже!

- Да. И твой сын тоже...

Феликс разозлился:

– Если ты меня разлюбила, то это твоё право! Но ты не можешь лишиться меня моего сына! Скажи, где я могу встретиться с Ванечкой? Куда мне к нему приехать?

Сара побледнела:

– На кладбище... Там наш Ванечка...

В это время подошёл нужный Саре поезд, и народ хлынул на посадку. Людская волна подхватила ничего не чувствующую девушку и увлекла её за собой в светлое пространство вагона. Двери захлопнулись, и через стекло Сара могла увидеть лицо Феликса, которое было белее мела. Юноша кинулся к дверям и успел стукнуть ладонями по стеклу:

– Сара!!!

...Феликс сделал знак официанту и заказал бутылку воды. Достал из бокового кармана пиджака таблетки в светлой упаковке. Сара прочитала название. Сердечные. Протянула через стол руку:

– Дай и мне одну тоже.

Феликс смотрел в окно.

– Я не смог тогда поверить в твои слова. Не понимал... Как я мог лишиться сына, даже не успев с ним познакомиться? А ещё я понял, что никогда не смогу никого полюбить, кроме тебя. Мне нужна была только ты, Сара.. И я начал тебя искать. Потратил на это полжизни и не смог найти... А когда потерял всякую надежду, встретил тебя в городе, в котором оказался случайно.

Сара насмешливо посмотрела в глаза Феликсу:

– Никто не нужен, говоришь.. Тогда откуда у тебя сын, который так нежно о тебе заботится шо даже мерседеса с водителем на тебя не пожалел?

– Это приёмный ребёнок. Хотя родной.

...Феликс служил в ГДР более пяти лет, потом получил новое назначение и вернулся в Союз, в Москву. В ГДР он подружился с молодым прапорщиком Алексеем Дунаевым и, переведясь в столицу, не забывал друга и поддерживал с ним связь. Через несколько лет удостоился приглашения на скромную свадьбу Алексея и его жены Лены. Потом стал крёстным их первенца Сашки, и тайно крестил второго сына Димку. В те времена такие вещи не поощрялись и были наказуемы, поэтому с батюшкой договаривались через знакомых людей.

Когда мальчишкам было одиннадцать и семь соответственно, Алексей и Лена погибли при крушении поезда. Так вышло, что ни бабушек, ни дедушек у них не было и дети остались одни. Тогда Феликс принял решение их усыновить. Он хорошо помнил, как его мать встала тогда на дыбы. Она давно просила внуков и много раз пробовала познакомиться видного и преуспевающего Феликса с дочерью какого-нибудь генерала или дипломата, но всё было тщетно. Как-то не выдержала и в сердцах воскликнула:

– Ты что? Хочешь, чтобы мы с отцом умерли, так и не дождавшись внуков?!

Синие глаза Феликса превратились в айсберги льда:

– У меня была женщина, которую я любил больше жизни, но тебе она не подошла. У меня был сын, который мог стать твоим внуком, но он был не той крови, которую тебе бы хотелось. Ты лишила меня всего, что я любил. И этим ты лишила себя всего, о чём сейчас так мечтаешь.

Сашка и Димка выросли замечательными парнями и стали настоящими мужчинами. Феликса парни искренне считают своим вторым отцом и стараются максимально скрасить его жизнь.

Сара покачала головой:

– Таки, ты шо... бобыль?

Феликс улыбнулся:

– Натуральный!

Мужчина протянул руку через стол и сжал худые пальцы женщины:

– Сара...

Сара вздрогнула, опасаясь услышать ещё что-нибудь горькое или печальное. Феликс смотрел на неё в упор:

– Сара, прости меня! За то, что не приехал к тебе. За то, что не был с тобой и Ванечкой. Прости, что не нашёл тебя за все эти годы. Я люблю тебя. И любил всю жизнь. И я не врал тебе тогда перед отъездом в Москву. Я верил в то, что вернусь и назову тебя своей женой, и мы вместе родим нашего малыша.

Сара впервые спокойно посмотрела ему в глаза. Она больше не винила Феликса в предательстве. Он был такой же подранок, как и она.

– Сара, я хочу тебя попросить. Разреши мне быть похороненным рядом с Ванечкой... Скажи мне, где его могилка? Пожалуйста, Сара. Я оставил распоряжения Сашке с Димкой, они увезут мой прах туда, куда я им скажу.

Сара заплакала. Горькие воспоминания и сожаления о не прожитой жизни с Феликсом сдавили сердце. Душа болела от невозможности принять новую потерю.

Феликс улыбался:

– Сара, когда я увидел тебя на рынке, то чуть не умер от счастья! Встретить тебя в городе, в котором тебя не могло быть ни при каких обстоятельствах. Это чудо какое-то! Я уже не надеялся тебя найти в этой жизни. Но продолжал бы искать в той.

– Это всё Хана. Она убедила меня переехать сюда из Одессы.

– Хана живет в этом городе?

– Жила. Померла пять лет назад... Я тоже одна, Феликс... Совсем одна...

Феликс сделал равнодушное лицо:

– А этот твой лысый сосед? Я же видел, как он на тебя смотрит.

- А шо сосед? Ну, смотрит и смотрит. Мне не жалко!
- А ты была замужем, Сара?
- Была.
- Как его звали?
- Моисей.
- Хороший человек?

Сара фыркнула:

- За плохого бы я не пошла!

Феликс усмехнулся. Его Сара осталась прежней...

Лара РАСТОРГУЕВА.